

1979

Афанасий САЛЫНСКИЙ

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Драматургия завтра и послезавтра!..

Когда фантаст заглядывает на тысячи лет вперед, ему легче: он знает, что никто из современников не успеет проверить его дерзких предположений. А тут — всего лишь одно-два десятилетия! Даже не внуки, а дети твои увидят меру твоей прозорливости...

Скажем, как представить завтрашний день в его общественных страстях? Чем будут волноваться люди? Ведь театр ведет диалог со зрителем не по пустякам. Так что же будет занимать умы? Широкое освоение космоса? Вероятно. Но насколько эта великая задача человечества изменит психологию обитателей Земли? Думаю, что психология — такая устойчивая штукавина, что через двадцать, тридцать лет

большим изменениям вряд ли подвергнется. Отсюда я и хочу сделать шаг к театральной афише начала третьего тысячелетия нашей эры.

Всматриваюсь в названия пьес, в фамилии авторов... Друзья мои дорогие, много знакомых имен... За исключением тех авторов, которых забудут. Итак, на афише — классики, кое-кто из забытых и новые имена. Ах, эти новые имена! Скажут ли они новое слово? Хочется верить, что скажут. Сегодня новое слово чаще говорят старые писатели.

Вижу я на театральной афише драму, водевиль, инсценировку романа, даже трагедию. Очень истосковался зритель по большим, сильным страстям. Хорошо, если хоть через тридцать лет актеры представят ему не Софокла, а своего современника, которого можно вызвать аплодисментами на сцену или покриковать в газете.

О чем же будут написаны трагедии, драмы? Конечно, о своем времени. Но, как бывало всегда, писатели вряд ли смогут взять самый глубокий слой развертывающейся

перед ними жизни. Лучшие вещи напишут они о нашем времени. Да, о нашем времени! И те из современников наших, кто будет жив, и наши дети и внуки увидят, сколь удивительные были десятилетия, завершавшие вторую тысячу годов нашей эры! Какой недюжинной волей, каким умом и мужеством отличались люди, упорно и смело несшие огромную тяжесть борьбы за лучшее будущее, пережившие и радость побед, и горечь ошибок прошлого. Их пытались запугать, сбить с толку буржуазные крикуны, останавливали свои же маловеры, но они шли вперед, строили, летали в космос, пахали землю, любили и ненавидели.

Друзья дорогие, наше время таит в себе небывалый арсенал самого высокого драматизма. Может быть, кое-что из этого арсенала моим коллегам удастся освоить еще и в девятысотых годах.

Мне могут сказать: не слишком ли оптимистично думаешь ты о театре в эпоху бурного развития кино и телевидения? Оптимизм мой оправдан многовековым опы-

том театра. Сцена с ее правдой живого лица и голоса, с трепетным волнением актера, ведущего диалог со зрителем, останется бессмертным искусством. Бессмертным еще, между прочим, и потому, что актер живет в каждом человеке... Едва сделав первые свои шаги, человек играет Серого Волка или Красную Шапочку. Иногда же актерство так вкореняется, что человек играет всю жизнь, и только со стороны видно, как талантливо изображает он доброго принца, будучи по натуре злым разбойником...

Вероятно, люди завтрашнего дня будут тоньше понимать и строже ценить искусство. А профессиональные критики... Вот здесь мне хочется все же чуть-чуть «удариться в фантастику» и предположить, что критики третьего тысячелетия нашей эры будут писать о пьесах и спектаклях всегда по достоинству.

А что же скажет в те далекие годы умудренный зритель? Безусловно, он скажет, что драматургия и театр по-прежнему отстают от жизни.

Лит. рецензия, Москва, 1979, 12.10.79